

НО ИСТИНА ДОРОЖЕ...

Весной он родился, весной ушёл из жизни.

И весь он был весенний. И своим обликом, и своим творчеством источал свет и перспективу, внушал добро и оптимизм, несмотря на то, что публикации его нередко носили острый характер, поднимали проблемы, которые принято было замалчивать.

Творчество писателя было многогранным. Его публицистические статьи, литературоведческие, критические материалы перемежались с краеведческими поисками (в памяти сразу встают очерки об озере Кабан), философскими наблюдениями, зарисовками о природе. Но главным в творчестве писателя-исследователя, конечно же, был всеобъемлющий исследовательский труд о жизни, поэзии и подвиге Мусы Джалиля. Даже одно его имя — Рафаэль Мустафин — теперь сразу ассоциируется с именем поэта-героя.

Рафаэль Ахметович Мустафин (1931—2011), лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая, Республиканской премии им. М. Джалиля, вице-президент Татарского ПЕН-центра, был, несмотря на всю свою внешнюю мягкость, принципиальным, бесстрашным человеком. Для него открытая, гласная правда, пусть и нелицеприятная, всегда была на первом месте. Ради неё не побоялся он потерять высокую должность главного редактора журнала «Казан утлары» («Огни Казани») или лишиться красной корочки университетского диплома. Внутренняя свобода, раскрепощённость — вот главные черты характера этого писателя.

И новая книга Рафаэля Ахметовича «Поимённо вспомним всех» поражает своей обнажённой, суровой, порою просто тяжёлой для человеческой психики правдой. В конце восьмидесятых прошлого века он провёл целое лето в архивах КГБ — занимался делами репрессированных татарских литераторов. В те дни, по признанию писателя, он чувствовал себя плохо, «портилось настроение, кололо в груди, про-

падали аппетит и сон». Но книга была создана. В ней целая галерея жертв сталинских репрессий, а также палачей и, к сожалению, имена и поступки авторов писем-доносов на своих же коллег-литераторов.

Да, истина для Рафаэля Ахметовича была прежде всего.

Эта книга выходит на трёх языках — татарском, русском, английском и, думаем, никого не оставит равнодушным.

Редколлегия

ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

В конце 80-х я провёл целое лето в архивах КГБ. Занимался делами репрессированных татарских писателей. Потом выпустил об этом книгу на татарском языке.

В эти дни я чувствовал себя неважно. Портилось настроение, кололо в груди. Пропадали аппетит и сон. Но что все эти неприятности по сравнению с тем, что испытывали ОНИ?!

Обыденность

Вспоминая это время, пытаюсь припомнить, что же поразило меня больше всего. Попытки, которым подвергали заключённых? Чудовищность обвинений — шпионаж, вредительство, террор, заговор против Советской власти и лично товарища Сталина? Лживость и надуманность этих обвинений? И это — тоже.

Но больше всего, пожалуй, какая-то обыденность, будничность «напряжённой работы» по перемалыванию лучшей части населения страны. Протоколы писали на листах, вырванных из школьных тетрадей. В амбарных книгах с надписями дебет-кредит... А иной раз и на оборотной стороне обоев — с бумагой, видимо, была напряжёнка. Писали с орфографическими ошибками, с нелепыми сокращениями (а/с — антисоветский, к/р — контрреволюционный, ЧСИР — член семьи изменника Родины, ВМН — высшая мера наказания, ЧСВН — член семьи врага народа, БН — буржуазный националист и т. д.). Выражения эти повторялись настолько часто, что легко угадывались и по этим аббревиатурам. Я уж не говорю о штампованных канцелярских оборотах. О стилистике тогда думали меньше всего.

Для ускоренного ведения дел тексты постановлений о предъявлении обвинений печатали типографским способом. Обвинения почти для всех были стандартными.

Мол, такой-то (фамилия, имя, отчество вписывались от руки) «является членом действовавшей в Татарии правотроцкистской, националистической контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти, совершение террористических актов в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства и проведение подрывной вредительской работы в хозяйственно-политической жизни страны».

Больше всего меня поразили пришитые к «делу» небольшие, пожелтевшие бумажки, напоминающие почтовую квитанцию. Основной текст напечатан типографским способом и только Ф.И.О. вписывались от руки. Таковы справки о приведении в исполнение приговора к ВМН.

Всё делалось по форме — обвинительные заключения, постановления на арест, протоколы допросов и судебных заседаний. Как говорится, комар носу не подточит. А по существу — полное беззаконие, попрание всех элементарных прав личности, средневековый произвол.

По пыльным папкам с пожелтевшими, прочно подшитыми листами я пытался распознать характер следователей.

Глядя на старательно выведенные буквы с замысловатыми завитушками, даже не будучи почерковедом, угадывал характер человека тщеславного, больше озабоченного формальной стороной дела. За кривоватыми и отдельно стоящими буквами с самыми невероятными ошибками («и ето ишшо не всё») проступал человек малограмотный, еле-еле перебивавшийся в школьные годы с двойки на тройку. Такие терпеть не могут «слишком вумных и образованных» и срывают на них свой комплекс неполноценности... За буквами, наклонёнными в обратную сторону, проглядывал следователь упрямый, злой, готовый на всё — лишь бы выслужиться перед начальством.

На некоторых листах, там, где стояла кривоватая, с трудом выведенная подпись заключённого, проступали тёмные, выцветшие от времени пятна — видимо, следы крови. Местами фиолетовые чернила расплылись — не от слёз ли? Были и более мирные приметы — жёлтые круги от стаканов чая или жирные следы от капнувшего супа. И за всей этой обыденностью стояла смерть — будничная, повседневная, заменённая в протоколах обтекаемым выражением — «по первой категории». Чувствовалось, что

смерть в этих кабинетах стала бытом, своего рода способом существования. Ибо сначала следователи приговаривали ни в чём не повинных людей к ВМН. А потом, со сменой высокого начальства, их самих по большей части ожидала та же участь.

Палачи и жертвы

Мы привыкли делить всё увиденное на чёрное и белое, на жестоких, безжалостных палачей, которых можно только заклеить позором, и невинных жертв, героически встретивших свою смерть.

Но как пригвоздить к позорному столбу следователей 37 года, если в большинстве случаев их самих расстреляли? И как назвать героем «твёрдокаменного большевика», который когда-то ставил к стенке «белогвардейскую шваль»? Раскулачивал и ссылал в Сибирь целыми семьями ни в чём не повинных крестьян? Славословил Сталина и, будучи секретарём райкома, горячо разоблачал всяческих оппортунистов, троцкистов и зиновьевцев? И весь его героизм нередко проявлялся в том, что когда его вели в подвал на расстрел, он хрипло выкрикивал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Может, надеялся на то, что его всё же помилуют и лишь проверяют на лояльность? Однако палачи только скептически ухмылялись и молча делали своё дело.

Да и таких в сущности было немного. В основном люди гибли молча, не думая о соблюдении достоинства, как стадо баранов на бойне. Даже не успев осознать, за что, почему и кто в этом виноват.

Писательница Евгения Гинзбург, арестованная в Казани в 1937 году, в своей документальной книге «Крутой маршрут» так описывает одного из своих следователей Бикчентаева:

«Толстенькая мордочка, из которой глупость сочи-лась, как жир из баранины...» По её словам, это был «коротенький розовощёкий парнишка с мелкими кудряшками, похожий на закормленного орехами индюшонка». И этот «индюшонок» допрашивал Евгению Гинзбург несколько суток подряд, не давая ни присесть, ни уснуть, без пищи и воды. Он с методичной жестокостью мучил арестованных, бил, унижал и орал матом. К тому же, по